

ний потерпевшего при допросе для своевременного их пресечения и установления мотивов, причин изменения идеального образа действительного события преступления, его обстоятельств на ложные.

Список использованной литературы:

1. Салтєвський М. В. Криміналістика (у сучасному викладі): Підручник. – К.: Кондор, 2006. – 588 с., 32 іл.
2. Колдин В. Я. Судебная идентификация. – М.: ЛексЭст, 2003. – 528 с.
3. Шепітько В. Ю. Криміналістика. Енциклопедичний словник (українсько-російський і російсько-український) / За ред. акад. НАН України В. Я. Тація. – Харків: Право, 2001. – 560 с.
4. Яблоков Н. П. Криминалистика / Н.П. Яблоков. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА • М., 2000. – 384 с.
5. Суворова Л. А. Идеальные следы в криминалистике. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2005. – 245 с.
6. Топорков А. А. Словесный портрет. – М.: Юридическая литература, 1999. – 112 с.
7. Зинин А. М., Дубягин Ю. П. Фиксация признаков внешности трупов. – М.: Госюриздат, 1976. – 20 с.
8. Снетков В. А. Габитоскопия / В. А. Снетков. Волгоград: Изд-во ВГУ, 1979. – 123 с.
9. Марютина Т. М., Ермолаев О. Ю. Введение в психофизиологию. – М.: ИНФРА – М, 2001. – 464 с.
10. Кримінальний процесуальний кодекс України. Закон України «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України у зв'язку з прийняттям Кримінального процесуального кодексу України». – Х.: Одіссеї, 2012. – 360 с.
11. Криминалистика: Учебник / под ред. В. А. Образцова. – М.: Юристъ, 1997. – 744 с.

ОБ ИЗЪЯТИИ ОБЪЕКТОВ ИЗ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

Юлия ВИНИЧЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент, докторант
Байкальского государственного университета экономики и права

Summary

Based on the analysis of the norms of the Russian civil legislation, the provisions of the doctrine and practice is considered the issue of removal of objects out of civil turnover. On the basis of the existing in civil law understanding of civil turnover, is made the general conclusion, that removal of objects out of civil turnover should to mean as the termination of subjective rights. Author gives an estimate to the novels of the Civil Code of the Russian Federation about on the Turver of objects of civil rights, in particular, about the legal exclusion out of Art. 129 of the Civil Code of categorie of objects, withdrawn out of turnover.

Key words: objects of civil rights; objects, withdrawn out of turnover; removal of objects out of turnover; civil turnover.

Аннотация

На основе анализа норм российского гражданского законодательства, положений доктрины и практики рассматривается вопрос об изъятии объектов из гражданского оборота. Делается общий вывод, что, исходя из сложившегося в цивилистике понимания гражданского оборота, изъятие объектов из гражданского оборота следует понимать как прекращение субъективных прав. Дается оценка новеллам Гражданского кодекса РФ об оборотоспособности объектов гражданских прав, в частности, о легальном исключении из ст. 129 ГК РФ категории объектов, изъятых из оборота.

Ключевые слова: объекты гражданских прав; объекты, изъятые из оборота; изъятие объектов из оборота; гражданский оборот.

Целью представленной статьи является исследование теоретических аспектов проблемы изъятия объектов из гражданского оборота.

Актуальность подобного исследования обусловлена, прежде всего, тем, что изъятие из гражданского оборота непосредственно связано с защитой прав и охраняемых законом интересов частных лиц, а в отдельных случаях – также общественных интересов. При этом представляется очевидным, что правильное применение соответствующих охранительных правовых норм возможно лишь при условии предельной ясности в вопросе о том, что следует понимать под изъятием из гражданского оборота. Кроме этого, интерес к обозначенному вопросу вызван новеллами Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), а именно расширением сферы использования выражения «изъятие из оборота» при одновременном исключении из ст. 129 ГК РФ «Оборотоспособность объектов гражданских прав» семантически близкой ему формулировки «объекты, изъятые из оборота». Можно отметить и то, что вопрос, вынесенный в заглавие настоящей работы, самостоятельной разработке в цивилистической литературе не подвергался.

Изложение основного материала.

Приступая к изложению результатов предпринятого исследования, следует заметить, что общей нормы об изъятии объектов из гражданского оборота действующее российское законодательство не содержит.

До недавнего времени (принятия ФЗ от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [1]) изъятие из оборота использовалось преимущественно для защиты исключительных интеллектуальных прав. Так, нормой п. 4 ст. 1252 ГК РФ [2] «Защита исключительных прав» предусмотрено изъятие из оборота и уничтожение без какой бы то ни было компенсации по решению суда так называемых контрафактных объектов, т.е. таких материальных носителей, изготовление, распространение или иное использование, а также импорт, перевозка или хранение которых приводят к нарушению исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации. Согласно норме п. 5 данной статьи, по решению суда изъятию из оборота и уничтожению за счет нарушителя подлежат оборудование,

устройства и материалы, используемые или предназначенные для совершения нарушения исключительных прав.

По действующему российскому законодательству, изъяты из оборота могут быть также иные объекты, в частности, некачественные и опасные пищевые продукты, материалы и изделия (ст. 24 ФЗ от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» [3]), незаконно находящиеся в обороте этиловый спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция (ст. 25 ФЗ от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» [4]). Изъятие вещей является и одной из возможных мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении (подп. 4 п. 1 ст. 27.1, ст. 27.10, 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ [5]).

С вступлением в действие 1 октября 2013 г. ФЗ от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ сфера применения изъятия из оборота была расширена. В новой редакции ГК РФ оно выступает теперь и как возможная мера защиты нематериальных благ. В частности, понятие «изъятие из оборота» нашло закрепление в норме п. 2 ст. 152.1 «Охрана изображения гражданина», согласно которой на основании судебного решения изъятию из оборота и уничтожению без какой бы то ни было компенсации подлежат изготовленные в целях введения в гражданский оборот, а также находящиеся в обороте экземпляры материальных носителей, содержащие изображение гражданина, полученное или используемое без согласия последнего (или, после смерти этого гражданина, используемое без согласия его детей и пережившего супруга, а при их отсутствии – без согласия родителей); в п. 1 ст. 152.1 прямо указаны случаи, когда такое согласие не требуется. Изъятие из оборота и уничтожение без какой бы то ни было компенсации экземпляров материальных носителей, содержащих сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, или информацию о частной жизни гражданина, предусмотрены нормами п. 4 ст. 152, п. 4 ст. 152.2 ГК РФ.

С принятием блока изменений в ГК РФ, касающихся вещных прав, изъятие из оборота может получить общее закрепление в перечне оснований прекращения права собственности (см. подп. 12–16 п. 2 ст. 261 ГК РФ в редакции проекта ФЗ от 27 апреля 2012 г. № 47538-6 [6]).

Приведенные законодательные положения дают основания для ряда выводов.

Во-первых, из их анализа (в том числе, из названия соответствующих статей) явствует, что изъятие из оборота закрепляется, прежде всего, как мера защиты. Однако в данной связи можно привести авторитетное замечание С.Н. Братуся, справедливо отмечавшего: «То, что для потерпевшего, осуществляющего свое право при помощи государственного принуждения, является мерой его защиты, то для обязанного лица, нарушившего чужое право и принуждаемого к его восстановлению, – юридической ответственностью. Это две взаимосвязанные стороны одного явления» [7, с. 127]. Исходя из этого, изъятие из оборота, с одной стороны, можно рассматривать как меру защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов потерпевшего, с другой стороны – как меру ответственности лица, нарушившего чужое право.

Во-вторых, согласно приведенным нормам, изъятию из оборота подлежат материальные объекты.

В-третьих, нельзя не заметить, что понятие «изъятие из оборота» используется не только в гражданско-правовых нормах, в связи с чем возникает вопрос о характере соответствующей меры.

В-четвертых, обращает на себя внимание и то, что, наряду с понятием «оборот», используется понятие «гражданский оборот», исходя из чего, следует признать отсутствие тождества между понятиями «изъятие из оборота» и «изъятие из гражданского оборота».

Пятый вывод основан на бесспорной тенденции все более широкого использования рассматриваемого понятия в сфере гражданского права и заключается в необходимости признания его общеправового значения.

Что касается доктринальных положений, общие теоретические исследования вопроса об изъятии объектов

из гражданского оборота, повторим, отсутствуют. Можно утверждать, что данное обстоятельство во многом обусловлено преобладанием в российском правоведении нормативистского подхода к познанию правовой действительности, при котором определенное явление подвергается теоретическому осмыслению лишь вследствие его фиксации на уровне законодательства. Так и изъятие объектов из оборота, будучи закрепленным в гражданском законодательстве до внесения указанных изменений в ГК РФ в нормах об интеллектуальной собственности, рассматривалось в российской науке гражданского права, в основном, в контексте вопроса о способах защиты интеллектуальных прав и ответственности за их нарушение.

Одним из ключевых при этом являлся вопрос об отраслевой принадлежности изъятия из оборота: по мнению одних ученых, его следует относить к мерам гражданско-правового характера [8, с. 384], по мнению других ученых, «это не есть меры гражданско-правовые», поскольку они «подлежат применению», т.е. «должны применяться судом» [9, с. 99]. Исходя из того, что в сфере гражданско-правового регулирования рассматриваемая мера применяется по решению суда и, таким образом, является следствием не издания административного акта, а реализацией частноправового требования (иска), более убедительной представляется первая из указанных точек зрения. В качестве аргумента в этой связи можно сослаться на руководящую судебную практику, в которой неоднократно указывалось на самостоятельный характер данной санкции и необходимость ее отграничения от мер публичной ответственности [10].

Как уже было отмечено, в соответствии с нормами российского гражданского законодательства, изъятию из оборота подлежат только материальные субстанции. Если исходить при этом из традиционного в цивилистике разграничения оборота в экономическом смысле и гражданского оборота [см.: 11, с. 71; 12, с. 10; 13, с. 11] и связанного с этим тезиса, согласно которому объектами гражданского оборота являются не те или иные блага, а имущественные права на них (сами же блага выступают объектами экономи-

ческого оборота) [см.: 12, с. 26; 14, с. 76; 15, с. 114], следует сделать вывод, что под изъятием объектов из оборота понимается изъятие из экономического оборота. Таким образом, в рамках сложившегося подхода к пониманию *гражданского* оборота при изъятии из гражданского оборота, речь должна идти об «изъятии» субъективных гражданских прав.

Представляется, что подобное изъятие, т.е. «исключение», «удаление», «устранение» [16, с. 243] заключается в абсолютном прекращении субъективных прав и может касаться различных ситуаций.

В одних случаях прекращение субъективных прав может являться следствием фактического изъятия материальных объектов, сопровождаемого их физическим уничтожением. В отсутствие материального объекта, как следствие, прекращается и право на него. В данной связи следует признать, что отмеченное выше изменение редакции ст. 129 ГК РФ, в которой ныне отсутствует указание на такой привычный долгое время для российской доктрины вид гражданских прав, как объекты, изъятые из оборота, на предложенное понимание изъятия объектов из гражданского оборота в целом не влияет. Более того, придание объектам, ранее относимым к числу изъятых из оборота, характеристики ограниченных в обороте, лишь адекватно отразило реально существующую ситуацию: принадлежность экономически, политически, социально наиболее важных и значимых, а потому «изъятых» из оборота объектов *государству*, по сути, указывало на то, что такие объекты «могут принадлежать лишь определенным участникам оборота», в связи с чем по указанному признаку они изначально фактически являлись ограниченно оборотоспособными (п. 2 ст. 129 ГК РФ); о физическом уничтожении соответствующих материальных объектов либо об абсолютном прекращении прав на них вопрос никогда не ставился.

Мыслимы, однако, и такие ситуации, в которых изъятие из гражданского оборота субъективного права носит относительно самостоятельный характер. Имеются в виду случаи неправомерного введения в гражданский оборот самих субъективных прав. Современный российский правовой порядок дает

основания полагать, что это возможно.

В качестве примера можно указать на государственную регистрацию вещных прав на юридически дефектные объекты недвижимости, становящиеся впоследствии предметом гражданско-правовых сделок. Известна практика российских судов, которые, стремясь защитить так называемых дольщиков, в целом ряде случаев выносят решения о признании права собственности на жилые помещения, расположенные в построенных, но не введенных (в том числе, по причине самовольности постройки) в эксплуатацию многоквартирных домах, притом что Пленум ВАС РФ разъяснил, что «положения законодательства об инвестициях... не могут быть истолкованы в смысле наделения лиц, финансирующих строительство недвижимости, правом собственности (в том числе долевой) на возводимое за их счет недвижимое имущество» (абз. 2 п. 4 постановления Пленума ВАС РФ от 17 июля 2011 г. № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» [17]). Другим примером могут быть случаи незаконного отвода и изменения правового режима земельных участков. Несмотря на то, что последующая государственная регистрация прав на подобные объекты формально осуществляется на законном основании (на основе судебного решения, акта органа государственной власти), сама дефектность появления соответствующих объектов определяет изначальную порочность прав на них, которые, таким образом, должны рассматриваться как ставшие объектами гражданского оборота неправомерно, а потому подлежащие изъятию из него. Данный вывод отчасти подтверждает предусмотренная законом возможность оспаривания решения о государственной регистрации и основанного на ней признания субъективного права на определенный объект (см. абз. 2 п. 1 ст. 2 ФЗ от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [18], ст. 1248, 1252, 1398, 1441, 1512, 1535 ГК РФ).

Риски возможных неблагоприятных последствий (например, в связи с решением о сносе самовольной постройки либо об изъятии незаконно

предоставленных земельных участков) при этом всецело возлагаются на третьих лиц (последующих приобретателей), зачастую даже не подозревающих, что институт государственной регистрации в России выполняет скорее информативную (а не правопродолжающую) функцию: как указано в п. 52 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» [19], «государственная регистрация является единственным *доказательством существования* зарегистрированного права». В настоящее время отмеченная проблема полностью перенесена в плоскость судебного разрешения споров, что представляется принципиально неверным, так как действительное решение данной проблемы заключается в устранении ее причин, а это является прерогативой публичного права и связано с правовой политикой государства; выход из указанной ситуации не может быть осуществлен исключительно силами правоприменения, на сегодняшний день вынужденного и способного лишь нивелировать последствия не соответствующего интересам общества законодательного регулирования.

Возвращаясь к вопросу о характеристике изъятия объектов из гражданского оборота, следует признать, что, являясь мерой, буквально восстанавливающей прежнее (до факта нарушения) положение, оно выступает одним из основных правовых последствий неправомерного введения в гражданский оборот или нахождения в нем определенного объекта. Критерием неправомерности при этом, как правило, является отсутствие согласия правообладателя на использование принадлежащего ему и защищаемого правом объекта (см. абз. 3 п. 1 ст. 1229, п. 2 ст. 152.1, п. 4 ст. 152, п. 4 ст. 152.2 ГК РФ); гражданско-правовая презумпция согласия в данных случаях не действует [20].

Кроме этого, неправомерность действий субъекта может состоять в нарушении императивных законодательных установлений, касающихся порядка введения тех или иных объектов в гражданский оборот, как, например, в

случае необходимости государственной регистрации. Вследствие подобных действий происходит нарушение (подрыв, дестабилизация) организации гражданского оборота в целом. Таким образом, будучи направленным на защиту нарушенного или нарушаемого права частного лица, изъятие из гражданского оборота вместе с тем призвано защищать также общественный интерес, руководствуясь которым, неправомерно введенные в оборот материальные объекты в исключительных случаях, напротив, могут быть оставлены в нем (см., например, п. 2 ст. 1515, п. 1 ст. 1537 ГК РФ).

Выводы. Итак, в рамках сложившегося в цивилистике понимания гражданского оборота, изъятие объектов из гражданского оборота следует понимать как прекращение субъективных гражданских прав.

Изъятие объектов из гражданского оборота можно рассматривать и как меру защиты субъективных гражданских прав и охраняемых законом интересов, и как меру ответственности лица, нарушившего чужое право. В гражданском праве данная мера имеет общеотраслевое значение и является основным правовым последствием неправомерного, т.е. без согласия правообладателя либо нарушающего императивные законодательные предписания, введения в гражданский оборот или нахождения в нем определенного объекта.

Список использованной литературы:

1. О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: ФЗ от 02.07.2013 г. № 142-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 03.07.2013.
2. Гражданский кодекс российской Федерации. Ч. 4: ФЗ от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.
3. Собрание законодательства РФ. 2000. № 2. Ст. 150.
4. Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4553.
5. Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
6. О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации: проект ФЗ от 27.04.2012 г. № 47538-6 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/law/doc/gk/>
7. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. Очерки теории. М., 1976.
8. См., например: Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (поглавный) / Г.Е. Авилов, К.В. Всеволожский, В.О. Калятин и др.; под ред. А.Л. Маковского. М., 2008.
9. См., например: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (постатейный). Ч. 4 / Э.П. Гаврилов, О.А. Городов, С.П. Гришаев [и др.]. М., 2007.
10. См., например: определение Высшего Арбитражного Суда РФ (ВАС РФ) от 31.10.2008 г. № 10458/08, постановление Президиума ВАС РФ от 03.02.2009 г. № 10458/08 по делу А40-9281/08-145-128; п. 5 информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.12.2007 г. № 122.
11. Братусь С.Н. О понятии гражданского оборота в советском гражданском праве: доклад в ВИЮН // Советское государство и право. 1949. № 11.
12. Красавчиков О.А. Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья) // Ученые записки СЮИ. Т. V. Вопросы гражданского, трудового права и гражданского процесса. М., 1957.
13. Полуяхтов И.А. Гражданский оборот имущественных прав : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002.
14. Белов В.А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий // Объекты гражданского оборота : сб. статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2007.
15. Туктаров Ю.Е. Имущественные права как объекты гражданско-правового оборота // Актуальные проблемы гражданского права : сб. статей. Вып. 6 / под ред. О.Ю. Шилохвоста. М., 2003.
16. См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.
17. Вестник ВАС РСФ. 2011. № 9.
18. Собрание законодательства РФ. 1997. № 30. Ст. 3594.
19. Вестник ВАС РФ. 2010. № 6.
20. О презумпции согласия см.: Виначенко Ю.В. Презумпция согласия в гражданском праве // Проблемы регистрации прав, фиксации и удостоверения фактов гражданского права: сб. статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2013.